

## «ПОВЕСТЬ О КАМАРНИЦКОМ МУЖИКЕ» А. НОВИКОВА: ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

О. А. Соловьева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 декабря 2023 года

**Аннотация:** сюжет анализируемой повести рожден событиями крестьянского восстания в Комарицкой волости Брянского уезда 1796–1797 годов. Жестоко подавленное восстание, по признанию многих, оставило неожиданную и совсем не трагическую память в названии широко известной плясовой «Камаринская». А. Новиков в «Повести о камарницком мужике» дает свое объяснение такой неожиданной интерпретации исторического события в памяти народной.

**Ключевые слова:** А. Н. Новиков, крестьянское восстание, плясовая «Камаринская», камарницкий мужик.

**Abstract:** the plot of the analyzed story was born from the events of the peasant uprising in the Komaritsa volost of the Bryansk district in 1796–1797. The brutally suppressed uprising, as many admit, left an unexpected and not at all tragic memory in the name of the well-known dance song “Kamarinskaya”. A. Novikov in “The Tale of the Kamarnitsa Man” gives his explanation for such an unexpected interpretation of a historical event in people’s memory.

**Keywords:** A. N. Novikov, peasant uprising, dance “Kamarinskaya”, Kamarnitsky peasant.

В 1935 году в журнале «Октябрь» (1935, № 8) была опубликована «Повесть о камарницком мужике» нашего земляка Андрея Никитовича Новикова (1888–1941). Отдельным изданием она вышла в Смоленске в 1936 году и стала последней прижизненной книгой писателя, расстрелянного в 1941 году.

Во вступительной справке А. Новиков объясняет название повести, которое он не связывает с широко известной плясовой о подвыпившем мужике. Он настаивает на иных, более важных исторических источниках названия. А. Новиков, работавший в 1920-е годы в газете «Брянский рабочий» и познакомившийся с материалами краеведов об истории одного из местных курганных захоронений, указывает в качестве событийного источника повести финал крестьянского восстания под предводительством Емельяна Черныдыра.

Комарицкая волость, в которой произошло это восстание, реальная административно-территориальная единица в составе Брянского, а с 1627 года Севского уезда, занимала юго-восточные районы современной Брянской области и прилегающие районы современных Курской и Орловской областей. Есть основания считать вариативным название волости — Комарицкая, Камаринская или Камарницкая. Такие варианты дают современные географические справочники, так волость называлась в начале XX века. Об мужиках этой волости и рассказывает в повести А. Новиков. Настаивая во вступительной заметке

к повести на том, что события, в ней изображенные, не имеют отношения к разудалой плясовой, автор, тем не менее, сохраняет название, как раз и адресуя читателя к плясовой. Широкая известность «Камаринской» была поддержана и музыкальным творчеством М. И. Глинки, который в 1848 г. написал симфоническое произведение под названием «Фантазия для оркестра на темы двух русских песен».

Между тем заявленное названием хорошо известная веселая и задорная мелодия входит в очевидное противоречие с эпитафией из стихотворения Ф. И. Тютчева 1871 года, который А. Новиков предпосылает повести, заменив в первом стихе важное для него слово:

От крови той, что бушевала здесь,  
От крови той, что здесь рекой лилась,  
Что уцелело, что дошло до нас?  
Два-три кургана, видимых поднесь... [1, 225]

Совершенно очевидно, что название и эпитафия контрастны по содержанию. Следовательно, автору было необходимо смысловое и эмоциональное несоответствие названия и эпитафии. Это дает основания думать, что авторский замысел состоял не только в рассказе о давних событиях, но и в их новой, неожиданной оценке.

А. Новиков в начале повести рассказывает о местном предании, по которому «задолго до Камарницкой волости существовала так называемая камарницкая дорога, по которой русские князья ездили на поклон к татарским ханам» [2, 93]. На этой дороге летом было много комаров, которые мешали княже-

скому движению и которых должны были разгонять холопы. «Камарницкий мужик» как часть названия появился значительно позже, во времена бунта Ивана Болотникова (1606–1607). А. Новиков указывает на историческую неточность замены «князей» на «мужика» в местном предании. «Мужик» в те времена, замечает писатель, не отождествлялся с «крестьянином»: существовали «холопы, мужи княжеские, мужи знатные, чернопашцы». Однодворцы составляли особую прослойку — они также мужиками не именовались» [2, 93]. Писатель согласен с мнением брянских краеведов, которые утверждали, что слово «мужик» долгое время было употребляемо в значении «земледелец, хлебопашец, хозяин». Да и сам характер болотниковского бунта, его размах и драматизм не позволяли утверждать, что веселая плясовая явилась их оценкой или иллюстрацией.

Возникновение «Камаринской», как это было установлено уже в конце XIX — начале XX в., хронологически не было связано с восстанием XVII в., хотя и проходило в Камарницкой волости. По поводу конкретных событий, породивших песню, существуют две основные версии. Первая, выдвинутая орловским краеведом Г. М. Пясецким в XIX веке, основывается на том, что Камарницкая волость принадлежала дворцовому ведомству, но в начале XVII в. царь Федор Иоаннович пожаловал ее в личное пользование Борису Годунову [3, 198–199]. Отметим, что восстание Болотникова, о котором шла речь выше, произошло уже после смерти Бориса Годунова, в «смутное время». Г. М. Пясецкий считал, что песня отражает протест камарницких мужиков против Бориса Годунова, своего барина. Этим он объяснял и ее текст: «Ах ты, сукин сын комаринский мужик, не хотел ты своему барину служить» [4, 364–365].

Вторую гипотезу в 1990 году предложил Т. А. Мартынов, который считал, что популярные народные песни «Камаринская» и «Барыня» связаны по своему происхождению и составляют две части своеобразной «Камариады». Он предположил, что камаринская возникла в период введения крепостного права, когда многие крестьяне бежали с территорий, подвергшихся закреплению, в Камарицкую волость, остававшуюся в то время еще вольной. Исследователь считает, что первоначальный текст песни отражал бегство крестьянина от своей барыни [5, 165].

Обе гипотезы связывают появление песни с крестьянскими восстаниями и рассматривают ее как песню протеста. Этому соответствует обценная лексика, которая в данном случае воспринимается утверждением протестной бесшабашности и озорства русского человека. На этом основании специалисты делали вывод, что «Камаринская» «воплотила в себе типические интонации» скоморошин, песен, в которых, по словам Б. Н. Путилова, «преобладают острая насмешка, сатира, дерзкая и нередко непристойная шутка, балагурство» [6, 385].

Однако уже в XIX в. представление об исторических истоках песни и ее социальном значении было утрачено, она осознавалась преимущественно как плясовая песня, о чем и свидетельствует «Камаринская» М. И. Глинки.

Как видим, за темой и историческими событиями, вызвавшими к жизни «Камаринскую», кроются непростые и противоречивые события. К этой истории присоединяется и А. Новиков, уже названием «Повести о камарницкой мужике» и эпиграфом, ее открывающим, вступающий в спор со стереотипным восприятием не вполне пристойной «камаринской». В его повести речь идет о героях и событиях, далеких от плясовых мотивов.

Сюжет повести А. Новикова отсылает читателя, как мы уже отметили, к знаковым событиям. Так что Камарницкая волость привлекла А. Новикова не только ассоциацией с широко известной плясовой. Его заинтересовали исторические события, связанные с русской смутой, с ее особенностями. Они-то и определили содержание произведения.

В тексте повести приводится письмо Александра Безбородько, канцлера Павла I, орловскому наместнику Квашнину-Самарину, в котором тот пишет: «Камарницкая волость, как тебе известно, со времен Ивана Грозного населялась людьми, сосланными за государственные преступления. У нас в России, пожалуй, нет места, где не было бунта, но бунт камарницких поселян в российской истории весьма приметный» [2, 98]. Действительно, «приметный» бунт в Камарницкой волости был связан с именами четырех самозванцев (Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, «царевичей» «Петра Федоровича» и «Федора Федоровича»), а также крестьянского предводителя Ивана Болотникова. И тем не менее, зная все это, автор пишет «Повесть о камарницком мужике», названием подчеркивая расхождение с плясовой «Камаринской». Следуя его замыслу, мы используем то географическое название, с которым А. Новиков связывал историю крестьянского бунта — Камарницкая волость.

До первой половины XVIII века крестьяне Камарницкой волости были дворцовыми, т. е., государственными (казенными) крестьянами, принадлежавшими лично царю и членам царской фамилии. Разумеется, государевы чиновники собирали с них установленную дань и повинности, но являлись лишь сборщиками налогов, исполнителями державной воли. Поэтому у мужиков были основания считать себя не помещичьим холопом, а государевым «земледельцем, хлебопашцем, хозяином». Полное их закрепощение, такое, как и в центральных областях России, утвердилось в тех местах лишь во второй половине XVIII века, во время правления Екатерины II, которая в связи с этим воспринималась ими враждебно.

Напомним, что повесть А. Новиков посвящает брянским краеведам, материалы которых он ис-

пользовал для «вольного» переложения событий тех дней». Однако историческую основу в построении сюжета автор сохраняет, ее действующие лица не вымышлены, хронология событий не нарушена, даты указаны по календарю старого стиля.

Брянские краеведы в 1920-е годы изучали восстание крестьян 1796–1797 годов, проходившее под руководством Чернодыра и связанное с восшествием на престол Павла I. Оно было крупнейшим на территории Камарницкой волости в имениях графа Апраксина и княгини Голицыной, которым принадлежало 150 тысяч десятин земли и 28 тысяч крепостных. В Брасово и Радогощах была создана крестьянская «Брасовская республика» во главе с Е. Чернодыром, Ф. Савенковым, М. Ельниковым, И. Куркиным и другими лидерами. Мужики уничтожили барщину и оброки и перераспределили земли, как они были уверены, на справедливых началах.

Именно это восстание Андрей Новиков сделал центральным событием «Повести о камарницком мужике». Смерть императрицы Екатерины II, последовавшую 6 [17] ноября 1796 года, герои повести А. Новикова, как и участники восстания Чернодыра, восприняли как возможность вернуться из состояния крепостного отдельного помещика в статус государственного «земледельца, хлебопашца, хозяина». Основания так думать, кажется, у них были. Первым и главным основанием была смерть императрицы, закрепостившей их, и последовавший вскоре за этой смертью Высочайший Манифест Павла I о трёхдневной барщине. Манифест определял «меру» крестьянской работы в пользу помещика в три дня в неделю и запрещал принуждать крестьян к работе в воскресные дни.

Даже эти незначительные послабления были восприняты крестьянами как ограничение прав и вольностей дворянских, дарованных Екатериной II помещикам-крепостникам. В этом же ряду было воспринято и приведение к присяге крестьян «на верность» новому императору Павлу I. Впервые в русской истории крестьяне, наравне с другими сословиями, присягали императору, впервые были объявлены сословием, которое «содержит собою все прочие части общества и трудами своими особого уважения достойно» [7].

Павел I пришел к власти уже сложившимся человеком и с собственными взглядами на государственное правление. Он занял трон «с искренним желанием добра народу во всем его целом, с готовыми проектами реформ, которые, по его мнению, должны были «исцелить» Россию, дать... направление ей... жизни» [8, 45].

Однако Павел I был непоследователен в своих решениях, не имел опыта государственного управления и не стремился к радикальным переменам. В повести А. Новикова отсутствует позитивная оценка действий Павла I, в них писатель не увидел госу-

дарственного смысла, а лишь желание сделать иначе, чем это было при матери.

Сюжет «Повести о камарницком мужике» организован двумя смертями: истинной — императрицы Екатерины Петровны и мнимой — мужика села Андросово Якова Дудорова. Две смерти, организующие сюжет, дают представление о «мирах», в которых они происходят.

Прощание с Екатериной в Петербурге представлено через восприятие Павла I, ее сына, которого она так не любила. Ее смерть сопровождается ненавистью Павла, дворцовые интриги, напряжение, которое взрывается недостойными сценами, исключая сами возможность разумных государственных решений, нарушающими необходимое благообразие. Павел I воспринимает свое воцарение как личное торжество. И в повести А. Новикова эта мотивация существенно снижает и образ императора, и значение выпущенного им Манифеста.

Другой «мир» представлен селом Андросово, в котором на Юрьев день мужик Яков Дудоров вышел из глубокого, летаргического сна. Летаргический сон в народном представлении является временем, когда душа оставляет тело, странствует на том свете, видит рай и ад и узнает будущую судьбу людей.

Пробуждение на Юрьев день во время отпевания Якова Дудорова было воспринято крестьянами как чудо воскрешения из мертвых. Для мужиков его пробуждение именно в этот день и последовавшее за его пробуждением приведение к присяге стало Откровением о грядущих переменах в их жизни.

В их представлении мужицкое давнее желание «переложить господское добро на мужицкие снасти» [2, 105] совпало с волей нового императора. В случайное совпадение присяги в Юрьев день никто не поверил. А пробуждение Якова Дудорова в это же время для его односельчан стало «божественно» отмеченным указанием на то, что скоро будет восстановлен прежний порядок: крестьяне вновь станут «мужиками» — «земледельцами, хлебопашцами, хозяевами». Поэтому «бунт» крестьян села Андросово заключался в неповиновении помещичьей воле, а не воле императора, холопами которого они опять намерены были стать.

Ожидая необходимых царских повелений, крестьяне организовали «вольную» жизнь в деревне Андросово, основанную на христианских заповедях. Однако их надежды довольно скоро столкнулись с той реальностью, в которой справедливого царя заменил царский наместник, который при Павле был наделен неограниченной властью и стал называться губернатором. Попытка организации «вольной» жизни в селе Андросово закончилась тюремным заключением крестьянских ходоков.

Исторический материал послужил Новикову отправной точкой для создания художественного произведения, в центре которого попытка крестьян



организовать свою жизнь по законам своего, крестьянского, мира. Вера в нового царя, тесно связанная в народном представлении с пугачевским движением, давала новиковским «степенным мужикам» надежду на исполнении мечты — которая жила долгие годы — о мире, где мужики будут наряду с другими сословиями служить государю и будут свободными от помещичьей воли.

В финале повести на девятый день — в день, когда по христианским представлениям душа умершего предстает перед Богом и когда крайне важна молитва близких за усопшего, — графиня Апраксина приказала приближенным своим холопам сочинить для нее «песенку о камарницком мужике». И такая песня была сочинена, приказ графини превратить рассказ о гибели крестьян в бою в насмешку над их памятью, был выполнен. «Текст песни о камаринском мужике весьма похабен» [2, 139], который подменит рассказ о крестьянской трагедии песней о пьяном камарницком мужике, «поспешный темп» которой стал известен всему «российскому простонародью». Песня «похабная», по мнению А. Новикова, тем, что дискредитирует героев, представляет мужиков лишь пьяницами и предателями, не способными на борьбу, искажает древнее предание.

Оскорбительный смысл этой ситуации писатель дополнительно подчеркнет словами француза, жившего в поместье графини Апраксиной, заказчицы «похабного» текста: «Русским свойственно плясать на собственных костях: они дикари» [2, 139]. Столь резкое замечание иностранца обусловлено не только коварством барыни, но в первую очередь предательством тех, кто ее сочинил — верных холопов графини.

В результате казненные участники восстания были похоронены в кургане без отпевания, оцененные на ходу придуманной надписью: «Здесь лежат преступники против бога, государя и помещика, справедливо казненные огнем и мечом по закону божию и государеву».

Лживость курганной эпитафии, сохранившейся и до времени пребывания в Брянске Новикова, писатель осознал в ходе работы с исследованиями брянских краеведов. Его повесть, основанием которой послужили исторические события, стала художественным несогласием с образом подгулявшего мужика, достоинства которого исчерпываются его хмельными «подвигами». Андрей Новиков иначе

оценивает русского мужика, хозяина и землепашца, его место в государстве и истории. Историческое событие — крестьянское восстание под предводительством Емельяна Черныдыра — Андрей Новиков увидел звеном единой революционной истории русского крестьянства. Камарницкий мужик завершал свою борьбу, начавшуюся во время бунта в XVIII веке, в годы Гражданской войны, уже в XX веке. Над братской могилой красноармейцев, сражавшихся с «белыми» в 1919 году в селении Комаричи, располагавшемся недалеко от мест восстания, была установлена красная звезда. По оценке Новикова, это событие имеет прямое отношение к тому давнему восстанию: «победа над помещиками пришла только спустя сто двадцать лет» [2, 139].

#### ЛИТЕРАТУРА

1. См. у Ф. И. Тютчева: «От жизни той, что бушевала здесь...» // Ф. И. Тютчев. Лирика. В 2 т. — Т. 1. — М.: Наука, 1965. — 448 с.
2. Новиков А. Повесть о камарницком мужике / А. Новиков // Октябрь. — 1935 — № 1. — С. 93–139
3. Историки XX в. говорят о спорности этого факта. См.: Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России / В. И. Корецкий. — М., 1975. — 393 с.
4. Цит по: Адрианова-Перетц В. П. Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII века. Исторические песни / В. П. Адрианова-Перетц, Б. Н. Путилов // Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. М.; Л., 1953. — 538 с.
5. Мартемьянов Т. Правда о «Камаринской» и «Барыне» (история двух народных песен) / Т. Мартемьянов // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. — 1900. — Том LXXXII. — С. 162–182.
6. Путилов Б. Н. Сборник Кириши Данилова и его место в русской фольклористике Б. Н. Путилов // Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым / Подгот. изд. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилова. — М., 1958. — 665 с.
7. Павел Петрович. Наказ Марии Федоровне об управлении государством на случай его смерти // <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения — 05.11.23).
8. Шумигорский Е. С. Павел I / Е. С. Шумигорский // Русский биографический словарь. — СПб.: 1902. — Т. 13. — 711 с.

*Воронежский государственный университет  
Соловьева О. А., преподаватель кафедры русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук  
E-mail: nevestuyk@mail.ru*

*Voronezh State University  
Solovyova O. A., Lecturer of the Department of Russian Literature of the XX and XXI centuries, Theory of Literature and Humanities, Faculty of Philology  
E-mail: nevestuyk@mail.ru*